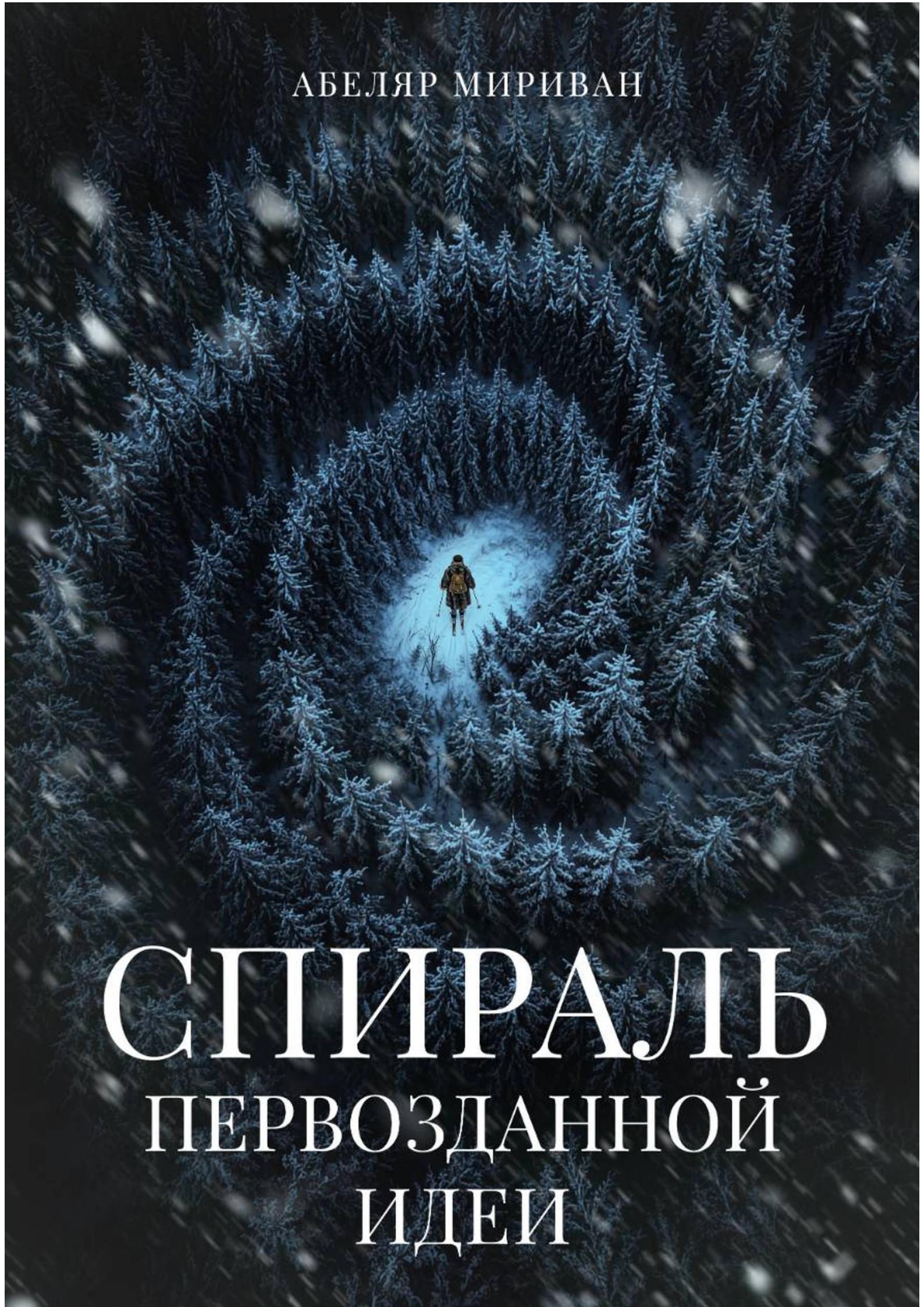

The background of the entire image is a dense, dark forest of evergreen trees covered in snow. In the center, a person is seen from behind, skiing down a snowy path. The scene is filled with falling snow, creating a sense of movement and atmosphere. The overall color palette is dark blue and black, with white highlights from the snow.

АБЕЛЯР МИРИВАН

СПИРАЛЬ ПЕРВОЗДАННОЙ ИДЕИ

Абеляр Мириван

Спираль перво́зданной идеи

«Автор»

2026

Мириван А.

Спираль первозданной идеи / А. Мириван — «Автор», 2026

1784 год. Молодой академик Николай одержим теорией когитологии – учения о том, что идеи структурируют и управляют реальностью. Чтобы доказать свои суждения, учёный отправляется в якутский город Зашиверск. Местные считают, что в деревне неподалёку поселился абаасы – злой дух из местных мифов. Николай отправляется навстречу древнему злу, не подозревая, с чем ему придётся столкнуться. Смогут ли взгляды академика противостоять тому древнему нечто, что скрывает в себе Улах-Мастах?

© Мириван А., 2026

© Автор, 2026

Абеляр Мириван

Спираль первоизданной идеи

Письмо Курагина Николая Александровича Зябловскому Алексею Петровичу 13 декабря 1784 года.

Дорогой Алексей.

Много времени прошло с нашей последней встречи. Признаю, ужасающе сгруппировал. Вспыл без всякой на то нужды, да ещё и безмолвствовал на протяжении пяти месяцев. Но, тем не менее, я всё ещё считаю себя правым в том нашем споре. Нет, я не верю в суеверия местных, но пока не вижу другого способа укрепить положение когитологии в науке. Моя теория, как и любая другая идея, стремится распространяться в массы. И в данный момент нет более удачного способа для её популяризации, чем развеять страхи простых крестьян. Сие будет намного лучше, чем продолжать писать статью за статьёй и спорить со старыми хрычами из академии.

Забудем об этом, друг мой. Ибо я наконец прибыл в городок, о котором говорил тот сбрендивший парнишка из кабака. Жаль, что он не упоминал, как тяжёл путь до этого места. Если б я знал, с чем мне придётся столкнуться, выехал бы чуть позже и приготовился бы получше.

Дорога до этого местечка заняла у меня девяносто один день. Как ты знаешь, так далеко я путешествую впервые. В начале всё было хорошо. Подорожную я получил на удивление быстро. Путь от Санкт-Петербурга до Тобольска протянулся приятно. После затхлой, дождливой столицы природа нашей страны будто бы вселила в меня новую жизнь. Не знаю, почему многим так не нравится поздняя осень? Лес, даже лишившийся всех своих листьев, невероятно красив и интересен. Не поверишь, но я даже видел медведя, хоть и вдалеке. Давило на мои нервы лишь то, что ночевать на почтовых станциях оказалось даже хуже, чем в том углу, что я снимал, когда только начинал учиться в Петербургской академии наук.

Уже к середине пути всё это превратилось в пытку. Когда же я доехал до Иркутска, возникли новые проблемы. Неподготовленного меня настигли морозы. Глупость вашего друга состояла в том, что, ввиду своей недалёковидности, я не взял одежду теплее. И вот мне пришлось потратить целый день на то, чтобы купить нормальную шубу и постараться окончательно не потерять все оставшиеся в кошельке деньги. С горем пополам я добыл новые вещи, но всё равно недооценил здешние морозы. Лютый холод продолжал истязать меня всю оставшуюся дорогу. Да и в целом к тому моменту я устал от всех встреченных мной неприятностей. Вечно холодные почтовые ночлежки, где стоял мерзкий запах, выводили меня из себя. А добивало отвратного вида подобие еды, что там я ел. Особенно дожимала тряска коляски на кочках сибирского тракта. Как болел мой зад после шести часов в скачущей кибитке!

Примерно две тысячи триста вёрст спустя я наконец доехал до Якутска. К тому времени от морозов не помогала никакая шуба, холод заставлял мои конечности неметь, а снег завалил все окрестности настолько глубоким слоем, что, если бы мне вздумалось спрыгнуть с почтовой коляски, я бы погрузился в сугроб по самое колено. Радовало лишь то, что осталось ехать всего триста вёрст. В Якутске я решил передохнуть от дороги на один день, но не стану утруждать тебя рассказом об этом, потраченном на сон и борьбу с простудой, дне.

Думаю, тебя не удивит, что в очередной раз всё пошло не по плану. Путь до Зашиверска оказался мне крошечным адом. Дорога тут оказалась гораздо хуже, чем таковая на тракте. Она была настолько ужасно тяжкой, что я небезосновательно полагал, будто хребет мой сотрётся в пыль от этих вездесущих кочек, подкидывавших меня в воздух с такой невероятной силой, что казалось, я проломлю крышу своего транспорта головой. Три раза! Три раза мы останавливались из-за очередной упавшей сосны, преградившей путь. И мы с извозчиком, на

морозе, утопая в сугробах, пытались расчистить проход. Один раз я помогал толкать застрявшую коляску под вой волков, раздававшийся откуда-то из тайги. Натерпелся я знатно. Честно, думал, что до города не доберусь, и надеялся на то, что умру хотя бы в желудке зверя, а не замёрзшим в сугробе. Оттого миг, когда я наконец доехал до этого чёртового Зашиверска, показался мне ещё более сладким.

И вот наконец я прикатился в этот городок. На первый взгляд, местечко показалось довольно милым. Но, так как по приезду я валился с ног от усталости, то не смог потратить время на его изучение. Чудом доковылял до градоначальника, Андрея Пушнинного, который показался мне человеком приятным. По лицу было видно, что он ни слова не понял из цели моего визита и, судя по всему, понимать не собирался. После того как мы разобрались с документами, Андрей Петрович предложил мне снять угол в его доме всего за три рубля. Уставший и измученный, я уже не желал бегать и искать другие варианты и потому согласился.

Разместили меня в помещении на чердаке. Хоромы, конечно, достойные царя! «Комната» тут размером около трёх аршинов, четверть из которых отведена под проём в полу, представляющий собой ни что иное, как вход. К нему приставляется хлипкая деревянная лестница, по которой я и взбираюсь в мою теперешнюю опочивальню. Ещё половину помещения занимает подобие кровати, а именно кучка сена и войлока, нагромождённая на большой деревянный каркас, видимо, сделанный из сосны, так как покрыт он был липкими пятнами смолы. Разогнуться тут я не могу, хожу согбленный. Есть мелкое оконце, в которое не пролезет даже кошка, а под ним стоит подобие письменного стола, по сути являющееся грубым скоплением досок и гвоздей. Именно на нём я сейчас, скрючившись, словно буква «С», и щурясь, чтобы поймать малейшие лучи света, чудом попадающие на стол, пишу тебе это письмо.

Лишь только увидев эту комнату, я захотел сразу же спуститься вниз и накричать на хозяйина. Как он смеет слуге науки подсовывать место для свиней! Но ломящая кости усталость, накопленная за длительный период дороги, резко меня разбила, словно десяток мешков с зерном, упавших с вершины мельницы. Не раздеваясь, я плюхнулся на кровать и проспал подряд двенадцать часов. На утро всю злость как вышибло. Комната мне уже не кажется такой плохой, но низкие потолки всё ещё удручают.

Впервые за долгое время я проснулся без боли в спине, даже несмотря на то, каким жёстким было моё ложе. Ты не представляешь, как это приятно, когда ничего не ноет и нет желания вырвать самому себе хребет! Однако не отрицаю и возможность того, что после дороги у меня болит каждая точка брэнного тела и из-за всего скопления этих пренеприятных ощущений теперь я больше не испытываю тактильных ощущений.

Кстати, о ночи. Мне приснился очень странный сон. Увы, я не смог полностью его запомнить, поэтому опишу лишь то, что осталось в голове.

Помнишь ту библиотеку, где в юности мы провели так много дней над трудами по философии, истории и праву? В том сне мы с тобой вновь посетили это место, но в этот раз полки были заставлены довольно странными томами. В первой книге, которую я взял, страницы оказались сделаны из древесной коры. На листах не было надписей, но в момент, когда я прикоснулся к ним, меня пронзили жгучий, рвущий кожу холод, тёмный густой страх и яростное желание биться за своё выживание. Я не понимал, что мне угрожает, но всё равно был готов бороться с угрозой. Это чувство казалось настолько сильным, что я буквально ощущал на своих клыках желези́стый вкус крови, оставшийся после того, как я разорвал горло незримой добычи. На теле огнём нарывали раны, полученные в схватке с нею. От всего этого желчь подступила к гортани, я захлопнул книгу, и сразу же она выскочила у меня из рук. Ты поймал её в полёте и снова открыл. К моему удивлению, в твоих руках её страницы оказались обычными бумажными листами.

Я потянулся и взял с полки другую книгу, маленькую и хрупкую. Она оказалась сделанной из какой-то очень тонкой сухой кожи, покрытой лёгким слоем странно пахнущего масла.

Её страницы, как и в томе, что я взял первым, не содержали ни единого символа, и, к тому же, от них я почувствовал лишь пустоту, затхлую и непоколебимую. Ноздри заполнил тяжёлый запах пыли. Я перелистывал эту книгу в поисках хоть чего-то стоящего. На восьмой странице из корешка начала течь красная липкая жидкость. По моим ощущениям, она показалась схожей по вязкости с той субстанцией, что покрывала листы. Омерзение возникло в разуме, и я потерял контроль над своим телом. Руки разбило судорогой, и невольно том выпал из них на пол.

Мне захотелось потянуться за ещё одной книгой, но в этот момент с удивлением я заметил, что остался один. Попытался взглядом найти тебя, но вместо коридоров и проходов увидел лишь книжные шкафы. Точнее, их было всего четыре. Они стояли вокруг меня, формируя ровный квадрат и не давая выбраться. На одном из них не было ничего, кроме скромного забытого листа. Он был старым, коричнево-жёлтым и испещрённым хаотичными чертами, отдалённо напоминавшими буквы, словно нечто примитивное пыталось скопировать письменность, не понимая, что это такое. Лишь только я попытался поднять бумагу, она тут же рассыпалась в пыль, густым всеобъемлющим слоем покрывшую полку. Сразу за этим обратились в прах и остальные стоявшие рядом книги. Всё, что осталось, – это окружавшее меня кольцо шкафов. Я навалился всем весом на один из них, но не смог сдвинуть его даже на полшага. Запыхавшись, попробовал вскарабкаться по полкам, но выбраться так и не вышло. Лишь только мне удалось дотянуться до верха, правая нога соскользнула, и я свалился обратно на пол. От боли я свернулся, прижав колени к груди, обхватив их руками, и замер на несколько долгих минут. Вскоре всё вокруг окружила бесконечная тьма, поглотившая меня до момента пробуждения.

Сон был интересный, но я не собираюсь тратить время на осмысление видений, созданных моим утомлённым разумом. Вернёмся к делам. Мне вновь нужна твоя помощь. Уходя, я заплатил за квартиру вперёд, но к тому моменту, когда к тебе придёт это письмо, нужен будет ещё один платёж. Ты же знаешь хозяйку: эта старуха выкинет всё моё сразу же, не обращая никакого внимания на то, каким важным делом я занимаюсь! А я не хочу вернуться в Петербург с триумфом когитологии, но остаться ни с чем. Как ты можешь понять из вышеописанных злоключений, денег у меня не будет точно. Поэтому молю тебя: заплати ей! Как только вернусь, рассчитаюсь в течение месяца, в крайнем случае – двух.

Я понимаю, как выгляжу в твоих глазах. Пропал на ужасающе долгий промежуток времени и вновь надеюсь получить от тебя деньги. Увы, уж такой я человек. Всё, что тебе остаётся, – это либо убить меня, либо простить очередную глупость. Готов по возвращении выслушать всю брань, которую ты мне выскажешь.

А пока я вновь займусь делами насущными. Скорее всего, на днях отправлю тебе ещё одно письмо, где более подробно расскажу о том, что узнаю, и поделюсь планом на эту маленькую экспедицию. Как я уловил из той информации, что мне попадалась, по всеобщему мнению, окрестности этого городка осаждают некие «живые мёртвые». Пару следующих дней я потрачу на расспросы местных купцов, охотников и любых других жителей, затем ознакомлюсь со здешними поверьями. Как только пойму, что их на самом деле тревожит, создам для них идею, что развеет эти страхи. А когда вернусь из тьмы целым и невредимым, людям будет легко донести то, что чудовища поселились только в умах, и низвергнуть их можно лишь, укрепив эти самые умы.

Всё же к местным следует проявить снисхождение. Мы с тобой, как люди просвещённые, можем отличить правду от пыльных суеверий. А им откуда же взять наши знания? Однако мои нервы мучает то обстоятельство, что слухи об этом месте вездесущи. Всю дорогу от Якутска каждый четвёртый пытался меня отговорить сюда ехать. Понимаю, что могу выглядеть пугливым. На самом деле меня не так легко утешить, скорее, просто я начал уставать от всего этого.

В любом случае вернусь через несколько месяцев с победой и большой историей, которую изложу тебе за стаканом чего-нибудь крепкого. Не забудь оплатить комнату! Буду невероятно благодарен.

Искренне твой верный друг и главный должник, Николай.

Николай небрежно бросил перо на стол, оставил бумагу сохнуть, а сам бездумно уставился в маленькое окно. На чердаке было ужасно душно, и это не давало ему сосредоточиться. Спустя некоторое время академик медленно свернул послание и вложил в конверт, запечатав его несколькими каплями воска со свечи. Отодвинув стул, он быстро встал из-за стола и резко ударился затылком о потолок. Боль разлилась по голове, на мгновение лишив его зрения. Николай согнулся, взял письмо и аккуратно подошёл к кровати. Академик медленно поднял с пола шубу, небрежно сброшенную им вчера, и попытался нащупать карман в складках густого меха. Шерсть сопротивлялась его движениям, складка в материале как будто постоянно убегала от пальцев. Наконец ткань подчинилась его воле, и Николай засунул конверт в карман, а затем бросил шубу на кровать и лёг рядом с ней.

Минувшей ночью академик спал очень долго и оттого не понимал, сколько сейчас времени. Глаза слипались, то ли из-за длинной дороги, то ли из-за темноты комнаты. Мысли в голове молодого учёного всё ещё были перепутаны. Он нащупал в правом кармане жилета небольшие часы. Достал их и поднёс под тонкий луч света, падавший из окна. «Полвосьмого», – подумал он. – «И всё же непонятно, утра или вечера?»

Снизу раздавались приглушённые, неразборчивые голоса, иногда прерываемые стуком посуды. Шум усиливал давление в голове, не давая сосредоточиться на вопросе о времени. В животе резало и урчало, а горло иссохло. Он ведь ещё даже не умылся! Охваченный душевным возбуждением, Николай, едва проснувшись, сразу же кинулся писать письмо Алексею. «Рано или поздно он перестанет терпеть мою бессовестность и несостоятельность. Остаётся лишь надеяться, что не в этот раз», – размышлял академик, разглядывая почерневшие от времени доски на потолке.

Снизу послышался женский голос. Это служанка звала обитателей дома к завтраку. Под входом в пристанище учёного раздалась речь градоначальника, вырвавшая его из меланхолического осмысления шума в голове:

– Николай, сочту за честь, если вы спуститесь отобедать с нами.

Учёный медленно поднялся с кровати и, подойдя к люку, начал спускаться по приставной лестнице. Каждая перекладина скрипела под его весом. Одна из них была совсем трухлявой. От лёгкого прикосновения руки она сильно прогнулась и практически треснула.

Спустившись, он оказался в горнице. В комнате было светло и чисто убрано. Справа от лестницы Николай увидел печь, сложенную из кирпича и обмазанную белой глиной. Напротив неё была дверь в сени, от которой шёл прохладный поток воздуха, вновь вселивший в Николая волю к жизни. Рядом с печью располагались несколько деревянных скамей, чуть поодаль находился обеденный стол. На нём стояло четыре тарелки с густым супом, от которых шли небольшие облачка пара. В центре находилась тарелка с несколькими кусками хлеба. Вокруг стола суежилась служанка, накладывая еду. Градоначальник уже занимал место. Рядом с ним садилась его светловолосая жена, лица которой академик не мог разглядеть. Вокруг неё суетился десятилетний сын – мальчишка с большими карими глазами. Жестом Андрей Петрович указал Николаю на свободный стул, приглашая присоединиться.

Учёный подошёл к столу и занял предложенное место. Запах супа, напоминавшего щи, вызывал в его животе острую колющую боль, поэтому первую минуту обеда Николай потратил на жадное поглощение содержимого тарелки, не обращая внимания на остальных присутство-

вавших. Щи были кислыми и густыми, с большим количеством капусты. В тарелке даже плавала пара кусочков плотного, немного сладковатого и очень жирного мяса.

«Чувствуется, что этот суп готовили для людей, в отличие от той еды, что ел я на протяжении пути сюда», – думал Николай.

– Надолго вы к нам? – вопрос градоначальника оторвал его внимание от тарелки.

Необходимость что-то ответить застала Николая врасплох. Пару до неловкости долгих секунд он попытался прожевать большой комок конины, заполнивший его рот настолько, что сжать челюсти получалось лишь с титаническим трудом.

– На месяц, не более, – наконец выдал молодой учёный. – Изучу ваши поверья, прогуляюсь по округе и уеду быстрее, чем стану для вас обузой.

– Не советовал бы вам покидать город, по крайней мере без проводника, – произнёс Андрей Петрович, с усталым видом поглощая суп. – Не считите грубостью, господин, но вы, только прибыв из столицы, вряд ли готовы к нашим морозам и снегам. Небось, что, пропадёте в глуши, а мне потом отдуваться перед властями.

«Да как он смеет!» – подумал академик, подыскивая подходящее словцо, чтобы задеть его в ответ.

Николай уставил взгляд в лицо градоначальника, его морщины, жидкие усы, упирающиеся в складки между щеками и губами. Он придумывал различные оскорбления, что мог вывалить на мужчину, однако решил сдержаться.

– Учту ваше замечание, но не вижу необходимым отказываться от моих планов, – с безразличным выражением лица произнёс Николай и добавил: – К слову, Андрей Петрович, можете осведомить меня, почему у сего города настолько противоречивая репутация? Многие встречные на пути пытались отговорить меня ехать сюда.

– Идиоты, понапридумывают себе бесов, лишь бы не работать, – градоначальник, возмущённо вскинув брови, откусил хлеб и, смачно жуя, продолжил: – Я им говорю, мол, сходите в церковь и идите дальше работать, бездари, а они всё возмущаются и возмущаются.

– А соседи говорят, что охотников дэриэт растерзали, – пробормотал сын градоначальника. – Вот все выходить в лес и не хотят.

Его мать мгновенно нахмурилась и, повернувшись к ребёнку, сердито шикнула. Мальчик послушно замолчал.

– Да вруны это всё! – вспылil Андрей Пушнинный и привычным движением взмахнул кулаком, намереваясь ударить по столу, но, окинув присутствовавших хмурым взглядом, сдержался и медленно положил ладонь на стол. – Просто обленились и перестали отстреливать волков. Сволочи расплодились и задрали лентяев. А те ещё сказок придумали, чтобы передо мной оправдаться.

– Стало быть, Андрей Петрович, наши с вами интересы совпадают во многом, – вскинув голову, промолвил Николай. – Ибо я поставил себе целью объяснить здешнему народу, как перестать бояться их нечисти.

Пока он произносил это, служанка поставила на стол чашки чая с молоком и тарелку с несколькими печеньями. Запах выпечки вырвал академика из разговора, и он надеялся, что его собеседник тоже отвлечётся. Но лицо градоначальника не изменилось, словно он и не заметил появления печенья.

– Надеюсь, что это я не понял ничего, а не вы вдруг им поверили, – сердито буркнул он. – Но, если вы сможете вернуть этих к работе, я за вас в храме лоб разобью.

Андрей Петрович поднял чашку и прислонил её к губам. Одним глотком он осушил её, резко поставил обратно, встал из-за стола и ушёл в свой кабинет. Его супруга и сын продолжили разговаривать вполголоса, не обращая на Николая внимания. Он допил свой чай, медленно встал из-за стола и залез на чердак. Там учёный поднял с кровати шубу и накинул её на плечи, чуть не упав под весом меха. Он застегнул одежду, мягко сдавившую его тело, и сразу же

покрылся липким потом. Спустившись с чердака, он оглядел комнату, но все уже разошлись из-за стола. Служанка спокойно убирала посуду, мать семейства сидела на скамье рядом с печью и что-то вязала. Мальчишки нигде не было видно. Николай, не торопясь, обулся и тихо вышел в сени.

В помещении стоял терпкий запах сырого дерева и дёгтя. Было темно, отчего Николаю пришлось пробираться к выходу наощупь. Он сделал пару шагов от стены и тут же осознал, что не понимает, куда идти. Учёный сделал ещё одно движение и запнулся о поленницу. Не удержав равновесия, он упал на пол, чудом не рассыпав дрова. Медленно, почти на четвереньках, Николай двигался вдоль стен, пока, к своему счастью, не уткнулся в дверь. Однако она была слишком тяжёлой для него. Учёный упёрся в неё плечом, вложив все силы в напор, и только через несколько секунд смог её вытолкнуть, неуклюже вывалившись наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.